

ШУМ ЛИКУЮЩИХ ГОРОДОВ

...В ЛЕТНИХ лагерях на переподготовке связист Козлов проходил учебу. Жизнь нелегкая с побудки и до отбоя по расписанию. Самый строгий начальник — отдаленный. Самая сладкая минута, когда голова коснется подушки. Вечерами смотрели кино, и песня «Три танкиста, три веселых друга» звенела в палаточном городке до самого отбоя.

Утро 22 июня было обычным. Розовел восток, изумрудно сверкала на траве роса, легкий бриз шевелил флажки. И вдруг звук горна, пронзительный, преждевременный. Строй четкой линией встал у палаток.

— Война! — это слово мгновенно вошло в сердце каждого.

В 1943 году артиллерийская дивизия, в состав которой входило подразделение Петра Козлова, была переброшена на запад и вступила в бой на Курской дуге. Позиция наблюдательного пункта находилась на высоте, справа тяжелая батарея вела заградительный огонь против танков противника. Передавая команды, связист видел, как вспоротые снарядами тяжелые бронированные коробки кружились и чадили, как с других, будто рукой великана, кто-то снимал башни с орудийными стволами и отбрасывал далеко прочь. Затем танковые армады схлестнулись вплотную. Все перемешалось, и артиллерии стрелять было нельзя. Низина сверкала огнем, дымилась, гремела, затем команды:

— Беглым по танкам противника! Веселее, боги огня! Крушите! Так их перетак...

...Я держу в руках несколько пожелтевших глянцевых листьев, датируемых легендарным 45-м. В одном из них записано: «Вам, Петр Степанович Козлов, участнику боев за отличные боевые действия при прорыве обороны противника в Померании, Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза т. Сталин в приказе № 288 4 мая 1945 года объявил благодарность».

Такую же благодарность получил П. С. Козлов за прорыв укрепленной обороны противника города Ковель и за форсирование реки Западный Буг, за освобождение Варшавы, за штурм Берлина.

А что было в жизни солдата между этими событиями?

Белоруссия. Многостра-

дальная земля, исхлестанная пожарами, иссеченная пулями карателей. Колонна артиллерии движется по проселочной дороге. Рядом по ее обочине наперегонки со своей тенью бежит девочка. В руках узелок, в нем пара кусков хлеба, несколько картофелин и глиняная кринка с колодезной водой. Козлов окликнул девочку:

— погоди, девочка, дай водицы испить.

Пьет солдат с жадностью, гимнастерка на нем выбелена солнцем, на спине и груди мокрые темные пятна от пота. Напившись, возвращает кринку девочке:

— Обед в поле несешь? — спросил солдат.

— Да, дедушке.

— Хлебца тоже поди?

— Два кусочка, дяденька.

Козлов стащил с плеча вещмешок и, развязывая узлы, запустил руку в его глубину. Вытащил горсть сухарей, банку консервов, протянул девочке.

— Беги, девка, к деду, проворней беги, а мы тут с фрицем управимся.

...Много довелось повидать горя, но бывали во фронтовой жизни и забавные случаи.

— Как-то бригаде повезло: дали два дня на отдых, подтягивание тылов. Оборотистые старшины решили побаловать солдат банькой. Быстро соорудили землянку, собрали из железных бочек емкости для воды. Последними мылись связисты. Терли друг друга до охов и вздохов. И напоследок решили пропарить одежду. Подбросили дров и растянулись под деревьями, а землянка возьми да вспыхни, как порох. Сгорело обмундирование за одну минуту. Часа два ходили нагишом, — вспоминает Козлов. — Командир батареи, как увидел нас, до слез хохотал.

Наверное, потому и запомнился этот смех на всю жизнь, что слишком мало его было на огненных верстах. Зато злости, ненависти к врагу с избытком.

При форсировании Одера Козлова вызвали на командный пункт полка. Нужно было восстановить потерянную связь с пехотой. Место, через которое необходимо было ползти, простреливалось насквозь. Три связиста, посланные до этого, не верну-

лись. А связи все не было. Козлов пошел четвертым.

В атаку ходить это одно. Видишь противника перед собой и знаешь рубеж, а тут, как крот, носом в землю — и вперед. Телефон, катушка с проводом, на спине автомат. Какая уж тут маскировка. Ползет солдат, и кажется ему, будто шпарят фрицы со всех видов орудия по нему одному. Вот, наконец, впихнулся связист в землянку и видит полковника у двух разбитых телефонов.

— Оттуда? — спросил офицер недоверчиво.

— Оттуда, — кивнул солдат. Через минуту ожили телефоны.

Орденом Отечественной войны первой степени был награжден Козлов за этот подвиг. Хотя и считал это событие рядовым, рабочим днем своей солдатской жизни. И потом их, этих будней, было много. Памятниками о них — орден Славы третьей степени, две медали «За отвагу» и две медали «За боевые заслуги».

Берлин запомнился П. С. Козлову заревом огня, несмолкаемым грохотом взрывов, черным куполом неба.

Дивизии разрешили выпустить первый заряд по рейхстагу. Артиллеристы фосфором сделали на середине надпись: «По логову фашистского зверя!». На корректировке огня сидел рядовой Козлов. А потом День Победы, радостный и долгожданный, Петр Степанович поднялся по полуразрушенным ступенькам рейхстага и долго прикидывал, где же, на какой колонне сделать надпись. Здоровенный артиллерист предложил: «Лезь на плечи, Петр! Оставь свою роспись и мою рядышком присобачь. Степиков я. С Курска!».

А после войны бывший связист вернулся в родное Приморье. Потом переехал на Камчатку. С 1974 года трудится на Усть-Камчатском рыбоконсервном заводе, поначалу бондарем, а сейчас машинистом насосной станции. Станция эта у самого берега океана. Машинист Петр Степанович все время слышит шум прибоя.

Ю. ЖУКОВ,
ветеран Великой Отечественной войны,
Усть-Камчатск.